

Некрасов С.Н.

НАУКА И РЕЛИГИЯ В РОССИИ XXI ВЕКА: НОВОЕ ПОДАВЛЕНИЕ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Некрасов
Станислав
Николаевич

доктор философских
наук, профессор
УрГСХА,
действительный член
РАЕ,
член Общественной
палаты Свердловской
области

Борьба науки и религии каждый раз в новых исторических условиях осуществляет новую репрессию сексуальности как наиболее глубоко интимной скрытой человеческой энергии. Религия обычно канонизирует и подавляет сексуальность, наука ее раскрепощает и формально освобождает. Но все вместе это дает двустороннюю репрессию сексуальности. Противостояние науки и религии, сопровождающее кризисную историю ряда цивилизаций и обостряющееся в момент краха модернистского проекта, может быть рассмотрено не только на примере России, но в глобальном контексте. Однако смотреть на Россию интереснее, поскольку наша страна не просто нормальная как о том мечтали отечественные либералы, выродившиеся в либероидов, или особая с особым своим путем развития как мнится единственному европейцу России – ее правительству, но уникальная страна, страна «невыученных уроков» со всемирно-историческим призванием, страна, выработавшая свой совершенно уникальный механизм развития. Этот механизм на взгляд западного социолога и политолога представляется неким странным пятиколесным велосипедом на фоне западного упрощенного двухколесника. Однако разваливающаяся западная цивилизационная конструкция заставляет даже иммигрантов дер-

жаться подальше от места катастрофы и с интересом приглядываться к русскому изобретению.

Поскольку социальные силы прогрессивного развития в проекте модерна находятся на стороне науки, то и продукты этого развития технологии и техника также относятся к научному познанию как к своему источнику и опоре. Отсюда неизбежно противостояние сциентизма как уверенности во всеисилии науки и порожденных ею социальных технологий и антисциентизма, обычно находящегося на стороне религии, а также консервативных движений оппозирующих прогрессу. До тех пор пока мы не увидим историческую форму науки и историческую форму религии в конкретных исторических ситуациях, мы ничего не поймем и в сексуальности, в ее репрессии и извлечении сексуальной энергии как чего-то слишком человеческого из-под спуда и прессы нечеловеческого. Религия бедных и религия богатых, наука для ученых и наука для масс – вот что бросается в глаза каждому, так асфальт бросается в глаза каждому вышедшему после хорошей попойки из ресторана. Нечто подобное мы видим в раздвоении одной религии и одной науки, как Ленин обнаружил на лондонском вокзале при первом взгляде на толпу – две культуры, два народа в одной буржуазной нации. Он увидел леди в шляпках и женщин в платках, посещающих *ladysroom* и *womansroom*. Увидел *man* и *gentleman*. В лондонских такси-кэбах пассажиры до сих пор сидят как в карете лицами друг к другу. Багаж стоит рядом со слугой – водителем.

Такая же пара форм общественного сознания – технократия и технофобия – характеризует разрыв самосознания различных групп общества, практикующих три разных взгляда на исторический процесс. Очевидно, что такой разрыв в сознании отражает возможность осмысления всей истории народа с различных

философских позиций. Следует выделить три основных взгляда на историю: история как регресс, где настоящее хуже прошлого, а будущее хуже настоящего (традиционализм, консерватизм с антисциентизмом и технофобией – все то, то может интегративно обозначено как археомодерн), история как циклы – вечное возвращение (исторический перманентизм, в котором позиции за и против техники и науки периодически меняются – контрмодерн), история как прогресс – настоящее лучше прошлого, будущее лучше настоящего (прогрессизм, эволюционизм, где приветствуются наука и техника как «рог изобилия»). Каждая из этих позиций содержит в себе свою логику осмысления истории. Лучше всего для нас сверхмодерн – контррелигиозный светский хилиазм, настаивающий на возможности построения тысячелетнего царства Божиего на земле. В сущности, речь идет о светской форме утешения и обретения бессмертия – русской идее и марксизме. Можно спросить, а какое отношение к сексуальности имеют эти рассуждения? Нечто подобное военный психиатр спрашивал у Швейка «Стоит дом, в нем пять подъездов. А теперь скажите, в каком году у швейцара из крайнего подъезда умерла бабушка?» Но наш вопрос не о бабушке, а о сексе. Уточним – о любви. Как припевали в годы нашей молодости «а кому – какое дело – эта песня про любовь». Так вот, положение секса и/или любви в обществе как чего-то «слишком человеческого» или «нечеловеческого» является «меченым атомом», общим показателем очеловеченности или расчеловеченности человека.

На стороне религии исторически выступает церковь как социальный институт и вера. Поэтому сексуально расчеловеченные силы (группа «Фемен», «Пусси Райот») их атакуют как продукт контрмодерна. Они не выделяют церковь для бедных и церковь для богатых, они просто против, поскольку такова вообще задача постмодерна. Отсюда другие пары оппозиции как формы общественного сознания – теизм и атеизм, клерикализм и секуляризация (разум) – оказываются проявлением борьбы двух проектов постмодерна и контрмодерна. Силы примерно равны, и репрессированная

контрмодерном сексуальность освобождается сексуальностью постмодерна. Оба типа сексуальности носят нечеловеческий характер. Такова подавленная сексуальность в результате исторической и систематической клитородектомии отцами дочерей в современном Египте и арабском мире, развивающимся в сторону контрмодерна в ходе недавнего насильственного уничтожения вполне приличных светских режимов. Молчащая женщина, женщина в хиджабе, запрет на профессии, побивание камнями за неверность и гражданский брак – какие еще свидетельства нужны для доказательства попятного хода истории в арабском мире как конкуренте глобальной роли США! Такое организованное спецслужбами падение «Берлинской стены» в арабском мире последовало через 20 лет после победы западного контрмодерна в северной Евразии, отбросившего и нас в доиндустриальное прошлое, сделавших нас из советских людей загадочными россиянами. Следующее падение стены следует ожидать в отношении Китая как глобального конкурента Америки.

Нечеловеческая сексуальность, движущаяся между полюсами исламистского, любого иного религиозно-фундаменталистского реакционного контрмодерна и разрушительного постмодерна, для которого есть игра поверхностей и связь эпидермисов, а в искусстве все есть бренды – от трех букв на заборе до картины Леонардо, так вот эта сексуальность знает и допускает все, кроме любви. Любовь есть, но она есть в России. В России, как в Греции, есть все. Только в России девушка и дама в первые минуты четко определяет мужчину по модели импринтинга как друга или любовника и потенциального мужа. Именно поэтому русские мужчины страшно боятся попасть на роль друга, они в такие минуты не ведут себя дурашливо как подростки, не придуриваются, как это делают их западные братья по полу, не улыбаются (русские вообще не улыбаются), но стремятся быть брутальными и надежными. В результате они поведенчески для западных партнеров выглядят как угрожающие уголовники.

В старом советском анекдоте идет незатейливое и доступное для всех почти евангеличе-

ское повествование о том, как американка, французка и русская отдаются и впадают в экстаз. Американку следует покатасть на высокой скорости по хайвею, завести в мотель и накормить стейком. Результат – «она моя, она в экстазе». С французкой такой результат достигается в ходе утонченного ухаживания и в серии подарков от цветов до элитных духов. Наконец, русской дается трешка, и здесь действие разделяется (она – моя), затем трешка изымается (она – в экстазе). Этот анекдот нравился в СССР мужчинам и женщинам одновременно, поскольку он отсылал их к глубоко интимной проблематике любви. Такой анекдот не есть насмешка мужчин над женщиной как это бывает в сугубо мужской обстановке любой армии, в частности в Вермахте, где мужчины просто зубоскалили. Недавно опубликованные в книге «Soldaten» тайные аудиозаписи разговоров немецких военнопленных в американских тюрьмах свидетельствуют о бахвальстве схваченных военных преступников своими героическими деяниями на оккупированных территориях, о насилии над русскими женщинами. И все это на фоне бюргерско-лирического поклонения каждого преступника своей белокурой Гретхен и любования очаровательными детишками на бережно хранимой в портмоне затертой фотокарточке арийского семейства.

Другой советско-русский анекдот о любви напроць опровергает постмодернистское приравнивание любви и секса наблюдаемое в последнее катастрофическое двадцатилетие нами на улицах, стенах и асфальте наших городов. Мы видим здесь не заборные просветительские слова из трех и пяти букв, но видим англоязычные заклинания «no money – no sex», «freemoney sex», или по-русски: «не плати за секс», «бесплатный секс» с указанием соответствующих англоязычных сайтов с наполнением контента местными проститутками. Когда в совковом анекдоте у девушки спрашивают, как она отдалась по любви или за деньги, она искренне отвечает: «конечно, по любви, разве три рубля это деньги?» Девушки нашей поры с удовольствием ходили в походы, поскольку именно там как прежде в русских банях и происходило великое

общение полов. Старая студенческая шутка свидетельствует об этом: «девушки, пойдемте в поход. – Какие мы вам девушки, мы уже три раза в походе были». Жрицы любви в нашей культуре не были проститутками, они были б... – и это хорошее слово просто означало любительницу секса, в полном переводе – выжженная земля. Земля для всех мужчин.

Ни наука, ни религия не решают самостоятельно проблем человечества, они решают в конечном счете кроме социетальной проблематики исключительно вопросы интимной энергетики человека. Религия утешает или мобилизует, наука дает светское утешение и вдохновляет на вечную жизнь в делах и поколениях. Наука и религия не сражаются ни в каких битвах – сражения ведут только люди, общество и его эволюция. Поскольку история представляет собой перманентный творческий акт по созданию горизонта возможного бытия, универсальной модели развития не существует. История вообще выступает как осознание народом фактора времени, и понятно, что единой картины истории не существует. Русский народ в России изначально не разрывал перечисленные формы сознания, не разрывал науку и религию. Сама постановка о соотношении науки и религии носит западный рационалистический характер и возникает в рамках формационного подхода к историческому процессу. Действительно, наука и религия в рамках формационной парадигмы, описывающей достаточно адекватно и строго европейскую историю, относятся к надстроечным явлениям. В России при использовании цивилизационного подхода вопрос ставится практически и теоретически по-другому: вера и цивилизация.

На VI Всемирном русском народном Соборе (Москва, 2000 г.) именно так и формулировалась тематика «Россия: вера и цивилизация». На этом Соборе я выступал в качестве докладчика от партии «Евразия» и опубликовал в газетном спецвыпуске для делегатов Собора статью «Верю в человека!» Получается, что вера в человека при прежнем Патриархе стала общим знаменателем, примиряющим в опыте русского народа знание и веру, науку и религию,

так что в жизни на огромных евразийских пространствах гармонично сочетались вера и цивилизация. И, напротив, знание и формация, наука и религия, вера и знание выражали исторически взаимодействие Формации и Цивилизации. Однако тогда я еще не понимал, что столкновение и связь науки и религии как универсальных наполнителей нашего сознания надлежит рассматривать в конкретно-историческом контексте вектора движения. В модернизме их связь будет различаться в зависимости от того, какой модернизма превалирует в динамике и метафизике социума – модернизм буржуазного типа или марксистский светский модернизм? Какой постмодернизм захватывает умы и воображение – постмодернизм западного типа (когда за артгруппой «Война» с фаллосом на Питерском мосту неизбежно следуют авианосцы и бомбардировщики-беспилотники), или к нам приходит контрмодернизм в виде возведения баррикад религиозного или рыночного фундаментализма. Возможен археомодернизм с возвратом в традиционное общество или чаемый всеми сверхмодернизм, волю в который каждый раз заново вкладывал русский народ в переломные моменты его истории.

Сегодня нам понятно, что человеческая сексуальность как глубинная народная энергетика подавляется и извращается нечеловеческими механизмами религиозного и светского утешения во всех перечисленных случаях, кроме одного – сверхмодернизма. Великий русский писатель-почвенник В.М. Шукшин в серии своих рассказов превзойдя западных экзистенциалистов, показал способ извлечения энергетике, находящейся в пластах скрытых за проявляемой сексуальностью. В «Думах» председатель колхоза, слушая бродящую по селу гармонь, вспоминает детство, жизнь в бесконечной работе, когда не подумать и не продохнуть, и спрашивает спящую жену, а любила ли она его, как замуж вышла и боится ли она смерти. Когда я задал эти вопросы собственной супруге, то в точности получил описанную Шукшиным реакцию. Это страшные, последние вопросы. За той сексуальностью, которая плавает на поверхности русских анекдотов вроде анекдотов

про дистрофиков – «если ветра не будет, по бабам пойдем» – скрываются черные угольные пласты энергии смерти.

Откуда вообще берутся эти загадочные персонажи детских анекдотов – дистрофики? Они и клопа победить не могут и групповой секс предпочитают, поскольку там можно сачкануть. Они в России берутся из труда – труда во имя Родины, их энергия черпается из Танатоса, а на Эрос не остается сил. Силы отданы Любви! Любви, которая определяется в анекдоте про лектора общества «Знание», читающего лекцию о любви. Эта любовь может быть трех видов – любовь к Родине, любовь к Партии и любовь к женщине. Женщину, если останутся силы, можно любить и женщина будет доверять только тому, кто уже доказал любовь к первым двум реалиям жизни. В сталинском мобилизационном проекте Павел Корчагин не мог признаться в любви Рите Устинович, а Рита не могла отдать ему свою любовь, поскольку все кого она любила уже погибли. В слякоти хрущевской оттепели и в наступившей эпохе «потреблятельства» оказалось не до любви вообще, тогда радостно потребляющие личности утрачивающие какое-либо метафизическое ценностное измерение мира, топчущие все идеалы, которым поклонялись с великими жертвами их предки, небрежно говорили «недосуг» и добавляли «не до них». Наступала новая интегративная репрессия сексуальности. В этой репрессии позднесоветским героем не нуждающимся ни в религии, ни в науке оказался явный импотент Бузыкин (в переводе с английского, очень занятой) из «Осеннего марафона», мечущийся между женщинами и произносящий свое последнее в фильме слово в ответ на вопрос Хансена «Андрей, ты готов?» – «Готов...». Мне могут возразить оптимистически и профанически, что спасением мужчины и его качественного секса сегодня становятся имеющиеся в большом ассортименте на рынке пфайцеровская «Виагра» и прочие чудесные «королевские корни» и «средства императора», но мы ответим, что это совсем другая история. Напомню, наша народная песня все же «про любовь». А любовь – это особое измерение жизни и состояние души, и только в последней инстанции это качественный секс.